

Александр Михайлович Казбеги

Пастырь

Александр Михайлович Казбеги

Пастырь

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176388

*Александр Казбеги; "Избранные произведения".: Заря Востока; Тбилиси;
1995*

Аннотация

Писательское дарование и гражданская мужество Александра Казбеги особенно ярко проявились в его творческой деятельности 80-х годов XIX века. В его романах и рассказах с большой художественной силой передан внутренний мир героев, их чувства и переживания.

Все произведения Казбеги написаны в период с 1880 по 1886 годы. Казбеги разоблачал беззакония царских чиновников и феодалов, создавал образы благородных и мужественных крестьян.

Электронная версия произведения публикуется по изданию 1955 года.

Содержание

1	4
2	14
3	21
4	27
5	32
6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Казбеги

Пастырь

1

Гудамакарское ущелье, как бы с умыслом разрубив главный нерв Кавказского хребта, врезается в него тесной ложбиной. Ураганы и ливни изрыли его, и все оно завалено крупной галькой и огромными валунами, сползающими с гор. Дремучий, темный лес, заросший непроходимым кустарником и густо перевитый плющом, с обеих сторон сбегает по склонам, делая эти места труднопроходимыми. Ущелье замыкается высокой неприступной скалой, которая гордо и грозно высится над окрестностью. Места эти кажутся с первого взгляда столь мрачными и унылыми, что как-то невольно, без всякой причины, делается тоскливо на сердце. Неизменно сумрачный Бурсачирский утес никогда не расстаётся с туманами и скрывает от глаз даже ту единственную тропинку, которую ветры и метели проторили к нему, – высокомерно и злобно глядит он вниз, угрожая всякому, кто дерзнет приблизиться. Сырость и туман непрестанно разъедают вершину скалы, и частые обвалы щедро рассеивают смерть, губя людей и скот. Тревожно замирает душа, когда глядишь снизу вверх на этот кряж. Но зато с высоты перевала перед

глазами вдруг распаивается пленительная картина. Широкая, благоухающая травами и цветами ложбина, небольшое плато и разубранная, как невеста, лужайка – все зовет и манит к себе. Опьяняет ласково-влажный ветерок; серебристой змейкой вьется ручей, сладостно убаюкивая слух.

Бурсачирская ложбина – истинный рай, здесь раскрывается замкнутое сердце человека, умеряется горе, смягчается грусть. Редкий путник минует ее, не сделав хотя бы минутного привала, не повалявшись на ее мураве, не забывшись в сладкой истоме ее очарования.

Бурсачирскую ложбину надо видеть летом, чтобы почувствовать во всей полноте красоту горной природы, неистощимую прелесть ее. Чудесные видения реют над головой, когда покоишься на лоне ее бархатно зеленеющих отрогов, овеваемых пьянящим ароматом цветов.

Вдоль ложбины вздымаются огромные, в два ряда, до небес, горы, словно оберегая ее от ноги недостойного.

Вот какова стоянка пастухов снойских и гудамакарских ущелий; сердца этих людей бьются в лад с природой, плоть их и кровь одушевлены любовью к этим священным местам...

Стояло лето. В Бурсачирской ложбине паслись бесчисленные стада овец. Пастухи привезли сюда своих жен, чтобы те доили овец, – надо было заготовить на зиму побольше сыра и масла.

Обласканные самою природой, жизнелюбивые горцы все-

цело предавались радостям жизни, неустанно наслаждались красотой мира. Сытые овцы, пофыркивая, резвились по склонам. Пробужденные к жизни цветы как бы прятались от солнечных лучей: пчелы яростно носились над ними, и легкий ветер ласкал их, порхая; пламенеющее небо обливало золотом плечи горских богатырей. Вновь завязавшиеся бутончики еще только едва отогнули края зеленых своих покрывал, — оттуда стыдливо улыбались их лица. Кругом, на всех вершинах, примостились пастухи, приветствуя зарю песнями или прощаясь с лучами заходящего солнца. Женщины ходили сюда собирать ягоды, и нередко пронзали пастухов быстрые стрелы их черных, сверкающих глаз. Весело распевая, спускались они за водой.

«Весна — это жизнь сама!»

Все движется, радостно сознавая, что живет; повсюду — сладкое беспокойство и буйная неугомонность — неизменные спутники жизни!.. Сочетание грустной неги и неясных порывов расцветчивало жизнь, наполняя все души счастливой надеждой!

Томительно билось сердце каждой черноокой, согретое лаской смуглого юноши, и у каждого смуглого юноши томительно замирало сердце. Они пели, хлопали в такт в ладоши, сердца их трепетали. И все это сливалось с необъятным праздничным ликованием природы.

И только одна девушка, редкой красоты, не принимала участия в общем весельи, сиротливо бродила в стороне от

всех. Не было ей места ни среди женщин, ни среди сверстников и друзей, ни в человеческом жилье, ни в овечьем загоне. Днем она пряталась в скалах, стыдясь показаться на людях в своих лохмотьях. И лишь в те часы, когда уставшие от трудов, побежденные дневной истомой люди отдавались отдыху, она, ночная гостья, выходила из своего убежища на лунный свет, как лесной зверь. Подобно отверженному духу, бродила она по полям, вдоль реки и, чуждая солнцу, купалась в лунных лучах.

Девушке едва минуло восемнадцать лет, и была она в той поре, когда ни одна живая душа в горах не остается без друга. А она всегда бродила одна, совсем одна, без пути, без дороги. С молодостью сочетались в ней красота и стройность. Она, как горный цветок, могла бы быть окружена поклонением гордых юношей, и каждый из них с готовностью, не рассуждая, сложил бы к ее ногам и все свое добро, и жизнь свою, и даже тысячу своих жизней, — за один взгляд ее бархатистых черных глаз с легкой поволокой грусти. И все же не было никого, кто бы заботился о ней, кто бы опекал, оберегал ее. И никто не знал, чем она кормится, как сохраняет жизнь в слабом теле.

Вот выглянул месяц и, когда во всех жилищах уснули и даже лай собак приумолк, девушка вышла из пещеры, изнуренная, скорбная, робкая, как ночной призрак. С дико спутанными волосами, с безысходной печалью на лице, в лохмотья едва прикрывавших тело, — она была похожа на лес-

ную волшебницу.

Девушка огляделась по сторонам, глубоко вздохнула и по-дошла к ручью. Она наклонилась над струями, освежила лицо пригоршней холодной воды. Потом села на берегу и стала глядеть на залитые лунным светом горы.

«Мир мгновенный! Провиденьем
Ты украшен и храним!
Если ласков ты с одними,
Отчего суров к другим?...» —

скорбно произнесла она и задумалась. Какие виденья прошлого вставали перед ней, чего еще ждала она от лживого, превратного мира?... Всякое воспоминание о прошлом обжигало, испепеляло ее, терзало ей сердце, заливало слезами ее лицо. И вот девушка заплакала навзрыд, громко запричитала, и казалось, что камни расплавятся от ее слез, горе затопит всю землю

– Горемычная! Совсем ты ослепнешь от слез! – проговорил кто-то за ее спиной.

Девушка вздрогнула и обернулась.

Она увидела высокую, немолодую женщину с открытым и добрым лицом. Женщина опиралась на палку, на ее поясе висел кинжал, большой пес стоял рядом с ней.

– Не вставай ты, сиди, сиди!.. И я передохну немного. А то мне ведь в гору итти...

Она села, сняла со спины кожаный мешок, достала оттуда

хлеб, сыр, кусок мяса и положила все это перед девушкой. Та безучастно глядела на нее, ни до чего не дотрагиваясь.

– Возьми, девушка, несчастная, возьми! Поешь немного, а то истаяла ты вся, умрешь и нечистому душу отдашь!

– Пусть бог осенит тебя благодатью своей... Твоим милосердием кормлюсь! – молвила девушка. – Покончить с собой не хочу. А так – все равно мне, что жить, что умереть! Смерть мне дала бы покой, – добавила она.

– Помолчи, не гневи бога! Лучше поешь чего-нибудь.

– Не хочется пока.

– Ты только плачешь дни и ночи. На вот, промой глаза, освежи лицо, – женщина зачерпнула воды деревянной миской и протянула девушке, – испей водицы, от сердца отляжет, и есть тогда захочется.

Пока девушка послушно умывалась, женщина разрежала ножичком мясо на тонкие куски.

– И я поем с тобой, – не ужинала еще. Ты посмотри, какая грудинка! – и она протянула девушке кусок мяса.

Та взяла и нехотя стала жевать.

– Горько мне! – оказала она, отпив глоток воды из миски.

– А ты посмотри, как я ем! – И женщина так ретиво набросилась на еду, будто и вправду целую неделю куска в рот не брала. – Хоть один кусочек насильно проглоти, а потом и самой захочется!

Девушка, поборов себя, проглотила кусочек мяса и в самом деле почувствовала вдруг такой голод, что молча и жад-

но принялась за еду. Женщина, боясь ее спугнуть, тоже не проронила ни слова за трапезой. Когда обе утолили голод, старшая оказала:

– Девушка, пойдем ко мне, – переночуешь в моем жилье.

– Не могу я! – у девушки дрогнул голос, глаза снова заволоклись слезами.

– А почему, почему не можешь?

– Потому что... – и она быстро зашептала: – Знаю, ты не выдашь меня, не оставишь без милости своей... Я отрешена от теми...

– Отрешена! – воскликнула женщина, невольно отшатнувшись от нее, как от нечистой. Некоторое время она молчала, не находя слов, и глядела на девушку так пристально, словно увидела ее впервые.

– Почему? – отрывисто опросила она наконец.

– Потому, что... Нет, ты добрая, не заставляй меня говорить!

– Чья ты, из какого рода?

– А к чему тебе это?

– Ни к чему... Я так просто спросила! А как тебя зовут. Или это тоже тайна?

– Нет, не тайна. Только поклянись никому не рассказывать, что видела меня!

– Детьми своими клянусь.

– Маквала – мое имя.

– Маквала! – воскликнула женщина, побледнев. – Знаю я,

знаю, кто ты... Даю обет перед богом, что не выдам тебя... Доверься мне, дочка, иди жить к нам в дом. Именем святого Гиваргия клянусь, я сумею так тебя уберечь, что луч солнца не разыщет, ветерок не посмеет коснуться тебя.

– Нет, милая... Не хочу я, чтоб ты делила со мной мою горькую долю.

– Как могу я стать соучастницей?... Все семейство мое – сын один, он не пойдет против меня. Ну, а если кто и проведает, на то воля господня, есть у нас бараны, жертвуем ими, лишь бы достойными хозяевами быть для тебя.

– Благослови тебя господь! Сердце мое смягчилось от твоих слов, душа отдохнула, – ответила Маквала. – Отвержена я, отлучена от теми! Прокляли и предали анафеме меня и всякого, кто протянет мне руку помощи... Тяжко нести на себе проклятье общины!.. Вот я рассказала тебе обо всем, теперь ты можешь отвернуться от меня, если хочешь...

Женщина задумалась; трудно было ей разобраться в услышанном. Человек, выросший в горах, одинаково верит и в силу проклятья, и в силу благословения, для него глас народа – глас божий, и вдруг – такое испытание! До сих пор она не знала, кому протягивает кусок хлеба, перед нею было бесприютное, безутешное создание, погибающее от нужды, зывающее о помощи. А теперь? Теперь ей известно, что та, кого она обогрела своей лаской, изгнана из теми, проклята людьми. И проклятие обращено не только на эту несчастную, но и на каждого, кто ей предложит напиться, кто накормит

ее.

В душе женщины шла борьба, борьба между жалостью к погибающей жизни и верой в то, что решение теми неизбежно и каждый отвечает за него перед всеми. Трудно было одинокой вдове Джатия Облисашвили, известной по всему Гудамакари своей добротой и милосердием, решить эту задачу. Пастырь считал ее лучшей христианкой в Хеви, ее христианская самоотверженность была поистине глубока.

– Ну, что ж, Маквалаиси! – сказала наконец Джатия, – все люди грешны, один бог без греха... Не могу я отвернуться от христианской души, это мне не под силу. Пойдем!

– О, горе мне! Да разве могу я показаться среди людей? – с горечью воскликнула девушка. – Нет! Маквала умерла для людей. Маквалы больше нет на свете!

– Да и звери тебя растерзают. Как же ты останешься одна? Пока-то ничего, скот здесь пасется, да и сама я не оставлю тебя, как не предам господа бога моего, не будет у тебя недостатка в еде. А зимою? Что ты станешь делать зимою? Стада отсюда угонят, ты останешься одна...

– Одному богу известно, что будет со мной, – ответила девушка, – человеку ли противостоять его воле?

Как ни старалась Джатия, все было напрасно. Маквала стояла на своем: не могла она вернуться к людям, навеки покрывшим ее позором.

Так прошло лето. Джатия все меньше и меньше верила в то, что обречение человека на такую страшную жизнь угодно

богу, однако она не смела роптать на теми, строго хранившие честь и нравы общины. Не было у нее в сердце решения: вправе ли она протягивать руку помощи страждущей, отверженной людьми. И поэтому каждый раз, идя к Маквале, она осеняла себя крестным знамением и шептала молитву:

– Господи, сердце велит мне быть милосердной к ней, и если я совершаю прегрешение, – прости меня!

Лето миновало. Поблекли зеленые одежды природы. Подул северный ветер, поникли чашечки цветов, трава повяла и смялась, птицы потянулись в теплые края, и не слышно стало щебета ласточек. Радостно улыбавшееся небо стало свинцово-серым, нахмурилось и готовилось разразиться слезами. Притихли откормленные за лето, налившиеся здоровьем стада, и воздух не оглашался больше веселым блеянием овец. Редко-редко налетали друг на друга бараны – для того только, чтобы согреть застывшую кровь. А пастухи старательно кутались в бурки, с неохотой подставляя холоду свои хмурые лица. В ложбине ключьями залег туман, и от этого все кругом стало еще безотрадней. Все загрустило, замкнулись все сердца. Воздух налился сыростью, отяжелел и приглушил веселый рокот горной речки. Ночи стали долгими, зверь напирал на стада, и собаки теряли покой. Иногда ненадолго распогодится, прозрачно засветлеет воздух, а через мгновение – все закружится, смешается, поднимутся, словно из-под земли, ключья тумана и поползут к горным вершинам, то протягиваясь вдаль, как копыта сатаны, то угрюмо застывая в вышине. Или вдруг пыль налетит, бешено взвоется, закружится. Завывая, сшибаются встречные ветры и, как два удалых витязя, вступают в самозабвенный бой. Над землей носится свист не знающего усталости ветра, и чу-

дится, будто хохот злого духа вторит ему. Скалы раскалываются, с грохотом оползают вниз. Вороны и галки, предвестники непогоды, нагоняли тоску на сердце своим зловещим карканьем. И вся благодатная ласковая природа превратилась вдруг в содом, куда слетелись со всего света силы нечистые и справляли свой шабаш, и кружились в адском весельи.

Стада снялись и двинулись сначала в свои деревни с тем, чтобы перекочевать потом на зиму в более теплые места. Пастухи старались обогнать друг друга: никому не хотелось долго задерживаться в тесном и трудном проходе Бурсачирского ущелья. А зима надвигалась, густой туман ни на мгновение не покидал оголившихся склонов, непрерывно сеял мелкий дождь, грозя разразиться смежной бурей. Ушли все стада. Одна только Джатия не торопилась, – она снялась последней. Когда отара тронулась в путь, Джатия взвалила на спину мешок с припасами и сказала сыну:

– Вы идите, а я вас догоню еще до Бурсачирского прохода.

– Будет тебе, мать, вместе пойдем! – заботливо сказал сын, – к чему задерживаться, что ты здесь потеряла?

– Твое дело молчать! – оборвала его Джатия. – Сама без тебя знаю, что потеряла, ты лучше за барантой присмотри!

– Одна пойдешь через эти гиблые места, – боюсь за тебя.

– Нечего бояться!

– Давай, и я с тобой останусь, потом вместе уйдем! – не унимался сын.

– Это зачем же тебе оставаться здесь? – подбоченившись, насмешливо спросила мать.

– Кто знает, может, от зверя тебя защищу.

– О!.. – улыбнулась Джатия, схватившись за рукоять своего кинжала, – пусть позор покроет мою седину, если не смогу связать зараз семерых таких, как ты!

Тогда улыбнулся и сын.

– Это ты теперь так говоришь. А посмотрел бы я на тебя, как станешь удирать, если случится какая беда... – пробормотал он, немного робея.

– Кто? Я? – надвинулась на него мать. – А ну, держись, трусишка! – крикнула она, и, подставив сыну подножку, одним толчком опрокинула его на землю.

– Бедняга, а еще хвалился! – шутливо прибавила она, помогая ему подняться.

– Мокро, потому и поскользнулся, – смущенно оправдывался сын. Его поборола женщина, – пусть и родная мать.

– Скажи на милость, где же сухие места для тебя прикажешь искать? – насмешливо оборвала его Джатия, но тут же прибавила ласково: – Ну, хорошо, ступай, а то я опаздываю.

Сын двинулся за стадом, а мать свернула с дороги в сторону и пошла по усеянному щебнем склону.

Джатия не нашла девушки на обычном месте. Маквала, как видно, оставила свою лачугу.

– Горемычная! Не выдержала холодов, ушла куда-то! – печально проговорила Джатия.

Она уже собиралась повернуть обратно, но вдруг догадка осенила ее, и она сказала громко:

– А, может, и не уходила она никуда, только от меня спряталась. Эти припасы я принесла для нее, пусть они здесь и останутся.

Она сняла со спины кожаную торбу и положила ее в лагуге. Потом долго ходила вокруг, искала, звала Маквалу, но той нигде не было.

День клонился к вечеру, пошел снег. Джатии пора было уходить.

– Боже милостивый, триединый! Святой Георгий и Солнцеликая, осените несчастную Маквалу своей благодатью, не дайте ей погибнуть! – горячо помолилась она.

И двинулась торопливо к Бурсачирской горе.

Как только Джатия ушла, Маквала высунула голову из-за каменистого холма и стала пристально глядеть вслед удалявшейся женщине. Она спряталась нарочно от доброй своей покровительницы, чтобы не поддаться ее уговорам, не уйти с ней и не обременить ее. И теперь стояла она, обреченная на смерть; последняя надежда уходила от нее. Ее посиневшие губы были плотно сжаты, словно сдерживали рвавшийся из груди вопль. Скорбные глаза впились в удалявшегося от нее единственного на свете друга, и с каждым шагом уходившей Джатии она приподнималась из своей засады все выше и выше, точно ее кто-то тянул веревкой за шею. Одной рукой Маквала схватилась за сердце с такой силой, что рас-

царапала себе ногтями грудь: она как будто хотела умерить удары сердца, не дать ему выскочить из своего гнезда. Глаза, обведенные синевой, глубоко впали, волосы развевались, высоко взметаясь над головой.

Вдруг яростно дунул ветер, нагнал клубы тумана, и непроницаемая пелена сразу и навсегда скрыла Джатию от взоров Маквалы. Девушка схватилась за горло. Словно кто-то сдавил его жестокой рукой, ее волосы вздыбились, шурша, кровь упарила в голову, она потеряла сознание, пошатнулась, упала. Но скоро очнулась. Горячие слезы залили лицо.

– Ушла, исчезла!.. И вместе с нею исчезла надежда моя на жизнь! – тихо сказала она. И отчаяние с новой силой овладело ею, она колотилась головой о камни.

Но горе изнурило ее, она постепенно слабела и наконец затихла. Слишком много бед обрушилось на нее, слишком много слез она пролила, слишком сильный огонь опалил, испепелил ей душу, чувства ее притупились. Она медленно поползла к своей лачуге, чтобы укрыться хотя бы от ветра, безжалостно рвавшего ее лохмотья, чтобы хоть немного умерить боль своего полуобнаженного тела.

Несколько дней она не выходила из своего укрытия. Но еда кончилась, а морозы становились все крепче. Зима начинала лютовать. Маквала стала испытывать страшные страдания. И неожиданно в ней проснулась жажда жизни, ей захотелось спастись. В Хеви и Мтиулету ей нельзя было идти – там никто не посмел бы принять ее, отрешенную от теми.

Ей оставалось искать спасения только в Картли, где ее могла приютить какая-нибудь добрая семья, а она трудом и старанием окупила бы свой хлеб до конца дней своих.

И она пустилась в путь. Трудно было идти среди наметенных ураганом сугробов. Впереди, весь укутанный туманом, как саваном, грозно преграждал ей путь Бурсачировский утес; над головой ее каркали вороны, провожая несчастную на неизбежную гибель. Но страх смерти удесят�ерял ее силы, желание во что бы то ни стало спастись придавало ей мужества и выносливости, и она отчаянно боролась за жизнь.

Маквала устала, она слабела с каждым шагом, но все шла и шла и достигла наконец Бурсачирской теснины. Еще совсем немного, и она одолеет эту последнюю преграду и будет спасена! Но внезапно налетел сокрушительный ветер, завыл, загудел и ударил ей в лицо колючим снегом. У девушки перехватило дыхание, потемнело в глазах. Небо нависло низко-низко. Стало темно. Оглушительный гул прошел по горам. Наметенные вихрем сугробы стремительно понеслись в пропасть. Женщина укрылась за выступом скалы, чтобы обвал не затянул ее, не похоронил под собой. Дальше идти стало невозможно, снег засыпал глаза, ветер валил с ног. Маквалу знобило, лицо у нее горело, силы постепенно покидали ее, в ушах стало шуметь. Отрадное тепло разлилось по телу, сердце растаяло в нежной истоме, глаза закрывались сами собой. В голове мелькнуло: это – гибель. Маквала заставила себя пошевелинуться, с испугом широко открыла глаза, но

сладкий дурман охватил ее с неодолимой силой, и ее веки снова медленно сомкнулись. Девушка глубоко дышала, прильнув к скале, – она спала. А ветер неустанно засыпал ее снегом, как бы укрывая от холода нежное ее тело.

3

В народе есть поверье, что разбушевавшаяся природа до тех пор не успокоится, не затихнет, пока не унесет обреченную жертву. И в самом деле морозы смягчились в Бурсачирском ущелье, ветер утих и с рассветом рассеялся туман. Небо очистилось, солнечные лучи осветили и обогрели землю. Удивительное зрелище представилось взору.

Черные пасти расселин заполнились снегом, их сковало льдом; из обвалов и оползней возникли новые холмы, и шербатая поверхность земли стала еще более волнообразной. Над ослепительно белой поверхностью вздымалась голая скала, на которой снег не закрепился. Стояла она, как свидетельница мрачных событий прошлой ночи. Все было недвижимо, молчаливо вокруг, будто склоняло голову, смиряясь перед гордым своеобразием величественной природы.

Что-то вдруг дрогнуло на бескрайнем просторе, – появился человек. Он не спеша шел на лыжах. Медленно и сосредоточенно двигался старец с белой бородой, слегка пожелтевшей от времени и ниспадающей мягким шелком на его широкую грудь. Лицо его светилось умом и добротой, хотя долгие годы и наложили на него свою неумолимую печаль. Зато телу его, статному, крепко сложенному, здоровому, мог позавидовать любой юноша. В теплой меховой одежде, подпоясанный веревкой, надвинув на лоб мохнатую шапку, он

медленно расчищал себе лопатой дорогу.

Рядом с ним бежала умная его собака красновато-коричневой масти с большой, словно сажей вымазанной мордой.

Старик не торопился, он что-то бормотал про себя, то и дело окидывая внимательным взглядом окрестность.

Пастырь Гудамакарского ущелья Онуфрий давно уже стал тяготиться жизнью среди людей и удалился в Бурсачирскую пещеру. В молитвах проводил он дни, оказывая помощь попавшим в беду путникам.

– Дурная ночь была, – тихо произнес Онуфрий, – дал бы господь, чтобы не было жертв этой ночью!

Вдруг неподалеку спустился ворон. Он мрачно и надрывно каркал. Собака кинулась на ворона и спугнула его; потом подбежала к месту, откуда он взлетел, принялась обнюхивать снег, жалобно заскулила.

– Сюда, Курша, сюда! – крикнул пастырь, но собака не послушалась и все продолжала скулить и обнюхивать снег.

– Ты что там нашла? – и Онуфрий двинулся было дальше. Но Курша не побежала следом за ним. Тогда Онуфрий остановился и еще раз покликал ее.

Курша кинулась к своему хозяину, стала перед ним прыгать, ластиться к нему. Умные ее глаза о чем-то просили его. Пастырь приласкал собаку, потрепал ее по спине и зашагал дальше. Тогда Курша схватила его за полу одежды, стала изо всех сил тянуть за собой.

– Вон туда пойти? – спросил старик, протягивая руку в

ту сторону, где опускался ворон. Собака радостно залаяла, понеслась вперед.

Подбежав первой, она принялась раскидывать лапами снег.

Онуфрий стал помогать лопатой. Свежий, еще не слежавшийся снег легко поддавался лопате. Старик нащупал под ним человека и с благодарностью глянул на своего чуткого друга, на верную свою собаку. Та поняла взгляд хозяина, блеснула глазами, весело замахала хвостом и облизнулась.

– Бедняжка, женщина! – говорил тревожно Онуфрий. – Хорошо, что снегом занесло, не успела замерзнуть!

Маквала крепко спала под снегом. Пастырь расстелил принесенную с собой бурку, уложил на нее женщину, стал растирать ей лицо, руки, ноги шерстяной тряпкой. Она не просыпалась. Тогда из сальника он достал гусиный жир, смазал им закоченевшее тело женщины и укутал ее в свой кожаный тулуп. Потом, отвязав от пояса маленький бурдючок, он нацедил из него водки в роговую ложку, концом ножичка разжал женщине зубы, влил водку ей в рот.

Она пошевелилась, застонала и на мгновение открыла глаза.

– Бедная, сильно замерзла! – сказал Онуфрий. – Но больше нельзя задерживаться, солнце на закате. Ночью будет стужа.

Он обхватил веревкой завернутую в бурку женщину, вскинул ее на спину и зашагал к своему жилью. Он легко

нес свою ношу и быстро добрался до дома. Здесь пастырь уложил женщину на душистое сено, укрыл потеплее, потом развел в очаге огонь.

Маквала открыла глаза, ей показалось, что она все еще видит сон. Но, попробовав пошевелиться, она почувствовала такую боль во всем теле, что громко застонала.

– Где я? – она хотела было провести рукой по лбу, но рука не повиновалась.

– У своего духовного отца, дочь моя! Господь направил мои стопы, чтобы спасти тебя! – ласково сказал Онуфрий.

– У духовного отца... – Маквала все еще не понимала, где она и что с ней. – Что было со мной? – тихо спросила она.

– Ничего, дочь моя! Снегом тебя занесло, но господь спас твою жизнь... Приложись к святому кресту, спасшему тебя.

И отец Онуфрий поднес к ее губам крест. Маквала попробовала приподняться, но, едва коснувшись креста, снова откинулась навзничь.

– Не могу! – с тоской прошептала она.

Она вдруг вспомнила, что не достойна святого креста. Пастырь понял: какая-то тайна отягощает несчастную. Он перекрестился.

– Владыка, воззри на убогих и обездоленных, придай им сил, чтобы они стали достойны славить имя твое! – Он снова протянул женщине крест: – Поклонись, дочь моя, поклонись ему: он распял тело свое, пролил кровь свою во отпущение грехов наших!

Женщина приподнялась, просветленная, и коснулась губами креста. Слезы полились из ее глаз.

Пастырь повесил крест на стену, опустил на колени перед распятием и долго молился за спасение душ всех тех, кто преступил законы бога.

– Дочь моя, ты, верно, есть захотела?

– Нет, отец мой, я не голодна.

– А ты заставь себя. Вот мясо, подлива.

Маквала немного поела.

– Как ты теперь себя чувствуешь? – спросил ее Онуфрий.

– Лучше, отец! Но болит, гудит у меня все тело, точно его иглами колют...

– Хорошо, что болит, значит, скоро поправишься. А теперь расскажи мне, кто ты, откуда?

– Кто я? – горько улыбнулась Маквала. – Просто – несчастная!

– У тебя никого нет близких?

– Были, когда-то были! А теперь нет никого.

– Как ты очутилась в Бурсахирах в такую пору?

Глаза Маквалы подернулись слезами.

– Трудно тебе говорить о себе. Не буду больше расспрашивать. Мой долг облегчить страдания человека. Придет время, и ты сама все мне расскажешь, покаешься в делах своих перед господом, облегчишь душу свою... Теперь немощно твое тело, обессилено, нуждается в поддержке, в уходе!.. Останься здесь... Кров этот дал мне господь, все стражду-

щие и алчущие могут оставаться под ним...

Простое человеческое сочувствие звучало в словах старца, и оно отогрело сердце несчастной женщины.

— Господь да поможет тебе! — воскликнула она, — ты облакал меня, несчастную... Вселил надежду в мое опустошенное сердце... — продолжала она прерывающимся голосом. — Твои ласковые слова вернули мне жизнь.

Слезы, сладостные, спасительные слезы, полились из ее глаз. Она постепенно затихла и снова покорно погрузилась в сон. Пастырь встал, бесшумно отошел от нее. Он знал, что целительный отдых необходим ее смятенной душе.

Маквала выросла в небогатой крестьянской семье. Был у нее нареченный. Хотя отец не знал об этом до поры, но ей верилось, что он не пойдет против ее избранника. Будущее представлялось ей безоблачным, полным радости. Однако надежды обманули Маквалу, судьба изменила ей. Ее просватали за другого и тотчас же выдали замуж.

Муж Маквалы Гела Годерзишвили, молодой, стройный, от природы не злой человек, служил есаулом у правителя Хеви в Пасанаури. В те времена должностной человек обладал большой властью в селе, и потому Гела разрешал себе такие поступки, на которые при ином положении никогда бы не осмелился.

Ему нравилась Маквала, но он отказался бы от нее, – она еще до свадьбы откровенно рассказала ему, что сердце ее бьется для другого, – если бы не спесивый юношеский задор, внушенный ему его положением.

– Я на казенной службе, и можно ли равнять меня с каким-нибудь мохевцем... Не уступлю я ее никому, чего бы мне это ни стоило! – кичился он.

Отец девушки, выживший на старости лет из ума, в самом деле считал, что Гела выше всех остальных соседей. К тому же он любил выпивать, и Гела щедро угощал его. Так решили они судьбу пятнадцатилетней Маквалы, и она стала женой

Гелы. Старик вскоре умер, и Маквала осталась круглой сиротой, всецело во власти своего мужа. Она покорилась судьбе и, не любя мужа, все же с честью выполняла свой долг, была предана семье, трудолюбива и хозяйственна.

Гела совершенно успокоился, был доволен женой, ему казалось, что он сломил ее волю, полностью ее покорил. Он продолжал заниматься своим делом, подолгу не бывал дома. В доме он держался господином и повелителем, появлялся там лишь ради того, чтобы жена не отвыкла от послушания, и, насладившись ее лаской, вдоволь поиздевавшись над нею, снова уходил в Пасанаури. Раньше, до поступления на службу, Гела был человеком гор, мыслил и чувствовал, как все горцы. Женщина была для него существом уважаемым, жена – подругой, которая трудится и работает рядом с мужем, как равная, ради создания семьи. Но теперь все выглядело для него по-иному. Не раз доводилось ему видеть, как его господа, пьянствуя и безобразничая, издевались над женщиной, считали ее созданной только для их удовольствия и развлечения. Вкусил он и сам сладость порочной жизни. Господа не раз посылали его с недостойными поручениями, охотно рассказывали ему о своих похождениях. Гела, красивый и юный, скоро приковал к себе внимание женщин, и они стали отдавать ему предпочтение. У Гелы не было недостатка в вине, водке и женщинах.

Маквала жила одна. Самым ужасным в ее жизни было то, что Гела приносил в свой дом нравы той, чуждой ей жизни:

безобразное пьянство, сквернословие, притеснение соседей; все это разжигало ее ненависть к Геле.

А тот с каждым годом становился все разнузданней. Он истязал жену, не давал ей спокойно работать, требовал беспрекословного выполнения всех своих вздорных желаний.

У Гелы Годерзишвили было большое стадо овец. Его престарелый дядя, единственный работник в доме, умер, хозяйство требовало присмотра, и Геле пришлось, оставив службу, вернуться к своему двору... С того дня, хоть и не очень охотно, стал он пастушествовать и среди пастухов скоро занял видное место. У него были связи с сильными мира сего, они принимали его, так как через него постоянно обдывали свои темные дела; чувствуя сильную поддержку, Гела Годерзишвили пользовался всяческими преимуществами перед своими односельчанами.

Все льнули к бывшему есаулу, старались заручиться его расположением, чтобы дешевле и быстрее улаживать свои дела, однако никто с ним не сходилась по-братски; очень дорого обходились его услуги и слишком уж чванился он перед всеми.

Только одна беда, непоправимая, давняя, злила, ожесточала его. Маквала чуждалась его по-прежнему, не подчинялась ему; не мог склонить он к себе ее сердце, а любовь его к ней росла с каждым днем. Ни гневом, ни побоями, ни лаской не мог он сломить жену, которая непрестанно наносила ему обиды. Дошло до того, что однажды Маквала сбежала в

родную деревню. И, хотя не было у нее никого близких, она добилась того, что в общине святой троицы был созван сход теми, на котором разбирали ее дело и вынесли решение развести супругов, так как Маквала была выдана замуж насильно. Однако в те времена теми уже не располагал достаточной силой, чтобы принудить своих членов к подчинению. Была введена власть начальников – диамбегов, и закон решительно запрещал развод.

Гела, давно утративший уважение к родным обычаям, разумеется, не подчинился решению теми, покинул сход с угрозами и вскоре силой закона водворил жену обратно в свой дом.

Гела, насильно вернув жену, не добился ее любви, но Маквала снова покорила своей судьбе, снова впряглась в домашнее ярмо. Гела с тех пор успокоился, поверил, что обрел жену, стал полным ее господином. Маквала беспрекословно повиновалась ему во всем.

А Онисе, любимый когда-то Маквалой, считал, что она его обманула, и после ее замужества не появлялся больше в родном селе. Он жил в горах, пас свою отару. Огонь его сердца погас, подернулся пеплом, и только однажды, когда Маквала ушла от мужа, слабая надежда на мгновение затрепетала, затеплилась в нем. Но Маквала вернулась к мужу, снова покорила его воле, и надежда Онисе развеялась навсегда, сердце его замкнулось. Он утешился мыслью, что обуздал свою страсть и жизнь его отныне потечет спокойно; но

он твердо решил никогда не жениться, никогда больше не полагаться на верность женского сердца.

Однажды летним вечером Гела сидел у порога своего дома. Набив трубку табаком, он старался разжечь трут, долго, но тщетно ударяя о кремень кресалом. Он только что закончил отбор из своей отары яловых овец и отправил их в горы, а дойных пока что оставил дома, так как близ ледников еще не подросли корма. Долго мучился он над трутом, но так и не высек огня.

– Хозяйка, принеси-ка мне огня! – приказал он жене. Маквала вынесла горящий уголек на обломке коры, подала его мужу, повернулась и хотела уйти.

– Постой! – остановил ее муж.

Женщина замерла на месте. Гела не спеша разжигал трубку, время от времени поглядывая на жену.

– Послушай, садись-ка сюда, – сказал он наконец, – хочу с тобой поговорить...

– Опоздаю я с ужином для пастухов! – хмуро отозвалась Маквала.

– Садись, говорю тебе! – Гела повысил голос, хотя самодовольная улыбка блуждала на его губах.

– Некогда мне! Говори скорей, и я пойду! – все так же хмуро ответила женщина, не двигаясь с места.

– Ничего, садись, милая! Рано еще, поспеешь! – ласково сказал Гела и, протянув руку, привлек ее к себе.

Женщина покорно опустила рядом с ним у порога.

– Хороша же ты, богом клянусь! – воскликнул вдруг Гела и жарко поцеловал ее.

Маквала не вымолвила ни слова; покраснев и нахмурившись, она провела рукой по щеке, как бы стирая поцелуй мужа. Гела заметил это ее движение, усмехнулся и с силой привлек ее к себе.

– Будет тебе! – не выдержала женщина и попыталась высвободиться из его объятий.

– Молчи, милая! Почему не хочешь, чтобы я поцеловал тебя? – ласково уговаривал ее муж, но она продолжала отстраняться от него.

Тогда он насильно закинул ей голову и крепко поцеловал ее в сердитые губы.

– Тьфу! – сплюнула Маквала. – Что это нынче с тобой?

– А почему ты стираешь мой поцелуй? – самодовольно поддразнивая ее, ответил Гела.

– Потому, что ненавижу тебя! – не стерпев, крикнула Маквала.

Гела нахмурился.

– Богом клянусь, ты полюбишь меня! – тихо, но убежденно сказал он.

Эта самоуверенность повелителя еще больше возмутила Маквалу, она взглянула на него с нескрываемой ненавистью.

– Не гляди так, а то еще раз поцелую! – криво усмехнулся горец, злобно глядя на нее.

Маквала тяжело вздохнула, не зная, как ей избавиться от докучных ласк.

– Не сердись, перестань, не то опять поцелую! – не унимался муж.

– Я не сержусь! – Маквала готова была расплакаться. – Отпусти меня, я опоздаю с тестом. Скажи, что хотел сказать?

– Поцеловать хотел тебя! – расхохотался бывший есаул. – Что, не нравится? – и он снова обнял ее.

– Пусти, пусти! – отбивалась Маквала.

– Нет, радость моя, никуда не уйдешь!

– Чего тебе от меня надо?

– Не нравится? Разве я плохо целуюсь? – теща себя собственным злым упрямством, изводил ее Гела.

– Поцелуй меня сама!

– Нет!

– Дай, еще разок поцелую и тогда скажу, зачем тебя звал.

– Не хочу, нет! – женщина закрыла лицо руками.

– Не хочешь, тогда вот тебе! – и он снова крепко обхватил ее, прижал к груди и... вдруг отпустил. Оба вскочили.

Кто-то тихо открыл калитку, спугнув супружеские ласки. Гость застыл на месте и низко опустил голову. Все трое смутились.

– Добрый вечер, Гела! – наконец выдавил из себя гость.

– Онисе, ты?! Иди же сюда! – шагнул к нему навстречу хозяин.

Маквала зарделась от стыда и досады, вскочила и убежала

в дом.

Введя гостя, хозяин пригласил его сесть. Оба молчали. Лицо у Онисе пылало, он сидел, низко опустив голову. Гела все еще мысленно обнимал свою красавицу-жену и твердил про себя с самоуверенностью упряма: «Врет она, любит меня!»

Онисе Арабули, сосед Гелы, много моложе, осанистей и красивей его, был желанным гостем в каждом доме села. Но после женитьбы Гелы Онисе ни разу не ступал на его порог. Он не был так зажиточен, как Гела, но превосходил его старательностью, часто сам водил отары, а в этом для крестьянина – залог благосостояния и успеха.

Трудясь больше Гелы, Онисе и доходов имел больше, и больше добра видели от него соседи и весь теми. Этот красивый и статный юноша был первым женихом Маквалы, и образ ее так властно запечатлелся в сердце Онисе, что ни адский огонь, ни всемирный потоп не могли бы изгнать его оттуда.

Гость и хозяин молчали из уважения друг к другу: никто не хотел первым начать беседу.

– Оставайся ужинать с нами, – сказал наконец хозяин.

– Будь долготелен, Гела, рад бы и сам побыть с тобой, да работаю я один, баранту не могу бросить, погибнет она.

– Не погибнет! Что с барантой делается, – разве нет с ней пастухов? Оставайся! – стал упрашивать хозяин.

– Есть у меня к тебе одно дело, ради него с гор спустился.

– Вот и Расскажи! – подсел ближе Гела.

– Ты, говорят, идешь снимать луга. Вот товарищи и послали меня к тебе, – хотим взять пастбища сообща с тобой.

– Очень хорошо! – обрадовался Гела. Соседство с таким смелым и опытным пастухом, как Онисе, для всякого было находкой. – Почему бы нет? Такое товарищество – милость божья!..

– Дружба с тобой, Гела, – истинная божья милость, а ты других хвалишь!.. Ты знаешь чужой язык, законы чужие, с тобой никакая беда не страшна.

– Я завтра в горы собираюсь, хорошо бы тебе самому пойти со мной. Могу тебя подождать.

– Зачем я тебе нужен? Кто лучше тебя сумеет выбрать место, сговориться о найме?

– Нет, Онисе, свой глаз – никогда не лишний!..

– Лишний человек – лишние расходы. Денег я тебе дам, место ты сам снимешь, а уж мы всегда с тобой поладим.

– Как хочешь, друг, воля твоя! – согласился хозяин.

– Вот так, Гелаиси! Место ты займешь, а там – захочешь, пойду к тебе в товарищи на смену, захочешь – овец перемешаем.

– Перемешаем, Онисе, перемешаем, так лучше будет, лучше, и сдружимся тесней! – ответил Гела. – А теперь уж ты без ужина не уйдешь! – весело добавил он.

– Не надо, Гела, боюсь, отару без хозяина зверь задерет, – упрямылся Онисе.

– Что ты? Пастухи у тебя такие, что птицу в небе, муравья под землей не пропустят. Не идешь, так хоть благослови меня на дорогу... Хозяйка! – крикнул он, – любимого гостя любовно встретить надо, подавай все, что бог послал!

Онисе вручил хозяину деньги на аренду пастбища и на дорожные расходы. Они сели ужинать. Выпили по одному рогу. Гость загрустил. На него нахлынули воспоминания о тех счастливых днях, когда он верил в любовь Маквалы, и сладкая надежда ласкала его. Теперь он одинок, никогда не будет у него любимой подружки, никогда никто не приголубит его, никто не скажет ему нежных слов, – железным обручем сковано его сердце. Онисе стал угрюм. Лицо его помрачнело.

Хозяин, заметив это, принялся еще усерднее потчевать гостя домашней водкой, еще чаще провозглашать задравные тосты. Но печаль не покидала Онисе. Вдруг Гела поднялся.

– Ты посиди немного, я скоро вернусь, – сказал он гостю.

– Куда ты, зачем?

– Подожди меня здесь, мы сейчас устроим такой пир, что мертвые встанут из могил поглядеть, как мы веселимся.

– Не надо, Гела, поздний час, да и жена твоя спать хочет! – оглянулся Онисе на Маквалу, пригорюнившуюся у огня.

– Маквала! – окликнул ее муж, – отчего ты невесела, когда у нас гость?

– Нет, нет! Клянусь божьей благодатью!.. Гость от бога, и я возношу хвалу господу, пославшему нам его.

– Ну, если так, – воскликнул Гела, – пусть святой Гивар-

гий ниспошлет на нас свою благодать, — завтрашнее солнце мы встретим пиром... Подожди немного! — и хозяин выбежал за дверь.

Легко ему было говорить, — завтрашнее солнце встретим пиром. Но тем, чьи сердца облачены в одежды скорби, кто оплакивает утраченную навсегда надежду, тем тягостно встречать весельем первые утренние лучи!

Много дней утекло с тех пор, как Онисе и Маквала расстались друг с другом, и оба они в эти дни разлуки копили печаль в своих сердцах. Они научились скрывать свои чувства, и теперь, когда они остались вдвоем лицом к лицу, стало им еще тягостней. У обоих было о чем рассказать друг другу, оба они, как все влюбленные, таили в душе обиду друг на друга, и им хотелось излить ее во взаимных упреках. Слова подступали к горлу, но непомерное волнение сковывала губы, и невозможно было нарушить молчание.

Маквале казалось, что сердце Онисе давно отдано другой, — ведь отошел же он от нее и даже в беде не протянул ей руку. Так же думал и Онисе: если Маквалу склонили выйти замуж за другого, значит, она и любит того, другого, больше, чем его.

Так сидели они долго, опустив головы, как два врага; и только отрывистое, учащенное дыхание выдавало их не постижимую душевную бурю.

Вдруг невольный крик отчаяния вырвался у Онисе:

— Маквала! Давно я не видел тебя, не слышал о тебе ниче-

го... Скажи, как ты живешь?

— Что мне? — с горькой улыбкой отозвалась Маквала, пожав плечами. — У меня муж, хозяйство.

— Значит, счастлива? — голос Онисе задрожал. Он поднял на нее глаза, заглянул ей в лицо и, сразу весь поникнув, тихо сказал: — Дай тебе бог!.. А для меня все исчезло, все умерло, жизнь стала мне ненавистна!.. Ну, что ж, будь хоть ты счастлива!

Женщина взглянула на него, и что-то невыразимо томительное закипело у нее в груди, поднялось к горлу, перехватило дыхание. Дрожащей рукой схватилась она за ворот платья, с силой оттянула его, сорвала застежку. Ей казалось, что ворот давит ей горло, не дает дышать.

Они молчали. Онисе взял рог, наполнил его аракой и выпил весь залпом, чтобы оглушить себя. Женщина взглянула на него с тоской.

— Почему смотришь на меня? — спросил Онисе, устремив на нее помутившийся взгляд.

— Не надо пить так много! Убьешь себя, — с горечью сказала Маквала.

— Ну и что ж? Пускай убью! — он провел по лбу рукой. — Разве жалеешь меня?

— О, ведь я — человек!

— Да, конечно, ты — человек! Оба снова замолчали, поникли.

— Маквала! — не выдержал Онисе, — скажи мне что-нибудь!

– Что мне сказать тебе? – печально отозвалась Маквала.
– Ты раньше много со мной говорила! Много мне сулила!
– То было раньше, все изменилось теперь.

– Зачем же ты меня поманила? Зачем околдовала? Чтоб потом сбросить меня прочь со своей дороги!.. Не любила, смеялась надо мной, – верно?... Что ты ответишь богу?

– Онисе!.. – начала женщина, но он прервал ее.

– Ты позабыла меня, но я тебя люблю по-прежнему, люблю, как святыню свою!..

Горе переполнило Маквалу. Она думала, что Онисе давно уже вырвал из своего сердца память о ней, позабыл ее... Оказывается, она заблуждалась, он все еще любит ее, еще есть у нее надежда вернуться к жизни!

– Молчи! – крикнула женщина. – Молчи, ради господа бога, не то руки наложу на себя!

– Зачем же?... Кого любила, за того и вышла замуж... Кого ненавидела, от того избавилась... Зачем тебе кончать с собой?...

– Молчи, говорю тебе! – гневно сказала она.

Дрожь охватила Онисе, он чувствовал, что больше не в силах сдерживать свою страсть, как за спасение, схватился он за водку. Но не успел он поднести к губам рог, как Маквала вскочила и бросилась к нему.

– Довольно, хватит! – крикнула она возмущенно.

– Почему ты сердишься? Я хочу за твоё здоровье выпить!

Не успел он произнести эти слова, как нежные женские

руки обвились вокруг его шеи. У него потемнело в глазах.

– Не пей, не надо, родной ты мой... Не топи себя в вине... Не хочу я этого, милый, слышишь меня, не хочу! – шептала ему Маквала и вся трепетала, горела, обвиняясь вокруг него.

Мир исчез, уплыл куда-то, Онисе позабыл о своем долге гостя, позабыл о самом себе и страсть, одна только страсть нераздельно завладела им. Он чувствовал, что Маквала любит его, любит всеотдающей, бескорыстной любовью; он чувствовал ее жаркую ласку, слышал биенье ее сердца и на мгновение утратил власть над собой. Кровь заклокотала в жилах, он раскрыл объятия, прижал к груди единственное свое сокровище и пил, ненасытно пил сладость жизни.

Сумеет ли Маквала потушить любовь в своей крови? Какая сила возьмет верх в ее сердце – женский долг или самозабвенная страсть?

Вдруг со двора послышалась песня. Они вздрогнули, прислушались.

«Вспомнит молодец в дороге,
Что забыт женой.
Запечалится и сгинет
В пропасти ночной...»

Влюбленные разошлись. Маквала, вся пылая, кинулась в чулан. Онисе, взволнованный, потрясенный, растянулся на длинной скамейке.

Дверь распахнулась, вошел Гела и с ним несколько юно-

шей-певцов.

Началось пиршество с плясками, с песнями. Хозяин сдержал свое слово: утреннюю зарю пирующие встретили веселой песней «Гогона».

Солнце стояло уже высоко, когда гости Гелы, выпив последний прощальный тост, шумно поднялись из-за стола и распрощались с хозяином.

Проводив гостей, Гела торопливо принялся за сборы в дорогу. На этот раз Маквала помогала мужу с непривычной готовностью и торопливостью, как бы искупая перед ним свою вину.

Хозяин дома оделся по-дорожному, опоясался оружием и оседлал коня.

– Жена! – сказал он на прощанье, – ты что-то очень усердно помогала мне в сборах, не знаю, чему приписать: рада ли, что уезжаю, или взялась за ум?

Она не ответила, слегка покраснела, опустила голову. Он посмотрел на нее долгим взглядом.

– Сердце мое противится, не советует мне уезжать, но я не останусь... Надеюсь, побережешь мой дом, врагу на посмеище не предашь! – он взял плетъ. – Ну, прощай... Давай поцелуемся, и знай, если осрамишь меня перед людьми, ничто тебя не спасет!

Женщина не двинулась с места, не подняла головы, только нижняя губа ее чуть-чуть дрогнула.

– Ты что, не слышишь? – резко возвысил голос Гела и стег-

нул ее плеткой. – Оглохла ты, адамово ребро?

Женщина вся сжалась от боли, но не вскрикнула, ни звука не издала, только сумрачно сдвинулись брови, глаза сверкнули гневом.

– Ты не хмурь брови! – мрачно проговорил Гела и снова стегнул ее плетью.

– Баба и лошадь – одно, для обеих плетъ создана!

– Довольно, хватит! – тихо сказала Маквала. – Ей-богу, плетью не заставишь полюбить себя!

– Ого! – усмехнулся Гела. – Может, хоть от упрямства отважу!

– Нет, не стоит, не старайся, а то пожалеешь! Тому порукой святыня Зеда-Ниши!

– Пожалее, говоришь? Смеешь мне угрожать? – крикнул Гела с пьяным упрямством и снова занес плетъ.

– Если так, пусть грех будет на тебе! – воскликнула женщина и выбежала за дверь.

Гела растерялся, не ожидал, что жена решится от него убежать.

– Маквала, Маквала! – закричал он, опомнившись. – Вернись, а то, ей-богу, кровью зальешься вся!

Но никто не отозвался на его угрозу. Маквала спряталась у соседей.

Гела выскочил во двор, искал ее всюду, – тщетно!

– В преисподнюю не провалится! – утешал он себя. – Когда-нибудь да вернется домой.

Пришли спутники Гелы, и он пустился в дорогу, так и не найдя Маквалы.

Прошлой ночью приход мужа с гостями пробудил Маквалу от сладкого любовного сна. Когда в доме шел пир и бушевало веселье, она не вышла к гостям, пренебрегла священным долгом хозяйки, чтобы остаться со своими мыслями, дать себе отчет в происшедшем. Когда она очнулась от нежного дурмана, действительность предстала перед нею во всей своей беспощадности. С горечью перебирала она в памяти часы и дни своего унижения, насильственное замужество, постылые ласки под страхом побоев и позора. Единственный раз улыбнулась ей надежда, когда теми разрешил ей развестись с мужем, но закон снова предал ее во власть сильнейшего. Эти воспоминания обожгли ей душу. И вот теперь встреча с Онисе, с единственным в жизни. Он, оказывается, любит ее по-прежнему! Но что же из того? Надежда так часто изменяла Маквале, изменила даже в те дни, когда сам теми встал на ее защиту. Разве могла она теперь положиться на любовь Онисе, хотя бы она и чувствовала в нем львиную силу?

Эта мысль клещами сдавила сердце Маквалы. Она поняла, что ничего, кроме несчастья, не может принести ей эта встреча, эта минутная радость. Будь она проклята! Дорого бы заплатила Маквала, чтобы вытравить из своей памяти вчерашний вечер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.